

Поскольку это комната Фу Синьцзэ, он не собирался задерживаться здесь надолго. Однако стоило ему выйти за дверь, как чья-то сильная рука вцепилась ему в запястье. Его резко дернули на себя и с силой впечатали в стену, отчего спина отозвалась острой болью.

Му Янь крепко держал его за руки, лишая возможности пошевелиться.

— Ты посмел сыграть со мной так подло! Ты ведь сам меня подставил. Пусть я был неправ, когда решил напугать тебя в самом начале, но я же ничего тебе не сделал! Все и так предвзяты ко мне, ты должен был просто сказать правду! Как мужчина может быть таким расчетливым, как ты вообще посмел...!

Му Янь закипал с каждым словом, сжимая руки всё сильнее.

Хотя с детства его учили, что в индустрии развлечений всё очень непросто, до этого часа он с подобным не сталкивался. Но теперь! Этот смазливый парень — самый настоящий подлец!

— Не мог бы ты отпустить меня? Напоминаю, моя рука травмирована и не выдержит такого обращения. Или ты хочешь, чтобы я закричал и позвал всех рассудить нас? — Цю Тан был невозмутим, голос его звучал спокойно.

К счастью, у Му Яня осталась капля здравого смысла. Представив последствия, если кто-то придет, он с неохотой разжал пальцы, хотя его глаза всё еще метали молнии.

Цю Тан слегка размял запястье, а затем перешел в наступление, шаг за шагом тесня Му Яня. Тот инстинктивно отступал, пока не уперся спиной в противоположную стену — отступать было некуда.

Цю Тан не собирался драться. Он лишь бросил взгляд чуть ниже, презрительно скривил губы и насмешливо спросил:

— Что у тебя в правом кармане? Неужели телефон? И он, случайно, не записывает сейчас наш разговор?

— Ты... откуда ты знаешь!

Му Янь тут же пожалел о своих словах. Увидев, как Цю Тан довольно улыбается, он стиснул зубы и, сердито ворча, вытащил телефон, чтобы выключить диктофон.

— Я тебе скажу...

— Замолчи, — Цю Тан легонько коснулся пальцем его губ, тут же убрал руку за спину и посмотрел на него серьезно. — Я примерно догадываюсь, что ты хочешь сказать, так что давай

сэкономим время, и ты просто слушаешь меня. Во-первых, хотя ты и сказал господину Фу, что не ударишь меня, я не знал, правда это или ложь. Твой тон был слишком вызывающим, и ради собственной безопасности я отступил именно в ту сторону, куда ты замахнулся. Во-вторых, разве я не заступался за тебя, когда все тебя неверно поняли? Сказал ли я хоть слово о том, что ты меня толгал? Я не лгал, люди просто предпочли поверить мне. Может, тебе стоит задуматься, почему они тебе не верят? Не потому ли, что ты обычно ведешь себя с людьми отвратительно?

— Да, ты большая звезда, привык, что все вокруг тебя лебезят, но я не обязан тебе потакать, да и не собираюсь. Надеюсь, ты больше не будешь ко мне лезть.

Сказав это, Цю Тан, не обращая внимания на реакцию Му Яня, просто ушел.

— Ого, Тантан, уровень симпатии вырос... на 40 пунктов! Почему? — 8756 был в шоке.

Что за мир такой? Можно повысить симпатию к себе, просто отчитав человека?

Это было вполне ожидаемо. Как уже говорилось, главная черта Му Яня — умение четко разделять любовь и ненависть, он всё еще разумный человек. Аргументы Цю Тана были настолько убедительны, что не могли не подействовать на него.

Цю Тан был в отличном настроении и во второй половине дня выложился на все сто. Самой важной сценой был крупный план: его герой умирает от рук главного героя, но до последнего вздоха надеется на приход возлюбленной. Его черные волосы рассыпались по земле, глаза покраснели от слез, одна слезинка скатилась по щеке, а улыбка на губах была одновременно жалкой и очаровательной. В этот момент с неба падал снег, ложась на рану на его щеке, словно принося дань памяти.

Этот чистый и трагический кадр тронул не только режиссера и съемочную группу, но даже Цинь Вэй, которая, как бы ни хотела это отрицать, тоже попала под его влияние.

А Фу Синьцзэ, глядя на такого израненного, но преданного до самой смерти Цю Тана, мог думать лишь об одном.

Обладать им, защищать его. Его слезы должны литься только для него одного, а его любовь — принадлежать только ему!

Цинь Вэй догадалась о реакции мужчины еще тогда, когда юноша только начал проявлять свое обаяние. И точно, когда она набралась смелости и посмотрела на него, на губах мужчины играла та самая двусмысленная улыбка, которую, вероятно, он сам даже не осознавал.

Сердце Цинь Вэй ушло в пятки. Она пристально смотрела на его профиль и, наконец, не выдержав, открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент мужчине пришло сообщение.

Он лишь мельком взглянул на экран, выключил телефон и, повернувшись к Цинь Вэй, улыбнулся:

— На работе появились дела, которые требуют моего присутствия. Прости, боюсь, я не смогу остаться здесь на несколько дней, как планировал.

Услышав это, Цинь Вэй запаниковала. Она уже всё распланировала: она скажет режиссеру, что ее нога в порядке и она может играть в больших сценах, чтобы показать Синьцзэ свое превосходство над этим мужчиной и вернуть его сердце. Она также собиралась подговорить Фу Сыня больше времени уделять своему подопечному, чтобы тот не приближался к Синьцзэ и не порождал дурных слухов...

Она была готова ко всему, а он уезжает.

Цинь Вэй добилась успеха в шоу-бизнесе, и ей не занимать коварства, но по сравнению с более опытным Фу Синьцзэ она была лишь новичком. Он почти сразу разгадал ее намерения и, конечно, не позволил им осуществиться.

В любом случае, его цель ясна, и нет смысла оставаться здесь, чтобы с кем-то играть.

Что могла сказать Цинь Вэй? Ей оставалось лишь улыбнуться и попросить его ставить работу на первое место.

Цю Тан, только что закончивший сниматься и смывавший грим, увидев, что Фу Синьцзэ уходит, поспешно умылся и, не переодеваясь, подбежал к нему.

— Господин Фу!

Услышав его голос, Фу Синьцзэ тут же остановился.

Грим на лице Цю Тана был смыт не до конца, щеки и лоб слегка розовели, а губы казались особенно влажными. Его рубашка сидела свободно, он даже не замечал, что одно плечо обнажилось. Он поднял голову, глядя на мужчину так, словно тот был для него целым миром — сейчас в его глазах был только он.

Фу Синьцзэ невольно улыбнулся.

— Господин Фу, вы уже уезжаете?

— Да, на фирме возникли дела.

Цю Тан серьезно кивнул:

— Тогда вам действительно пора. Кстати, господин Фу, я только сейчас вспомнил, что у меня нет вашего номера. Мы ведь так часто виделись, можно мне ваш номер телефона?

Фу Синьцзэ, конечно, ответил согласием.

Его отъезд не сильно повлиял на Цю Тана, к тому же его собственные сцены почти закончились, и на следующий день он собрал вещи, готовясь к отъезду.

Только он подошел к выходу, как увидел Му Яня, который, прислонившись к дереву, скучающе крутил в руках телефон. Цю Тан прошел мимо, но тот вдруг подал голос:

— Ты работал чисто, вышло неплохо...

Му Янь был из тех, кто умеет признавать поражение, если человек действительно заслуживал уважения, он был готов отбросить гордость и похвалить его.

Наблюдая за игрой Цю Тана последние полтора дня, он действительно почувствовал, что в этом юноше есть нечто особенное, особенно после этой последней сцены — он даже невольно проникся к нему жалостью.

8756 с восторгом наблюдал, как симпатия Му Яня росла: +5, +5, +10, +10... Но не успел он порадоваться, как Цю Тан, который до этого не проявлял особого интереса, вдруг обернулся и скорчил ему вызывающую гримасу, а затем, подхватив чемодан, убежал, не оглядываясь.

Плевать мне, что ты там думаешь! — презрительно подумал Цю Тан, пока бежал, оставив мужчину позади в ярости швырять телефон об землю.

В итоге уровень симпатии застыл на отметке -110.

<http://bllate.org/book/21605/2228237>